

Райнхардт Р. О. Фанфик как феномен современной художественной литературы: кейс «Евгения Онегина» / Р. О. Райнхардт // Научный диалог. — 2018. — № 4. — С. 161—168. — DOI: 10.24224/2227-1295-2018-4-161-168.

Raynkhardt, R. O. (2018). Fan Fiction as Phenomenon of Modern Literature: Case of “Eugene Onegin”. *Nauchnyy dialog*, 4: 161-168. DOI: 10.24224/2227-1295-2018-4-161-168. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

УДК 821.161.1Пушкин.091+821.161.1Сахненко.04+82-7

DOI: 10.24224/2227-1295-2018-4-161-168

Фанфик как феномен современной художественной литературы: кейс «Евгения Онегина»

© Райнхардт Роман Отмарович (2018), orcid.org/0000-0002-0890-8844, кандидат экономических наук, старший преподаватель кафедры дипломатии, ФГАОУ ВО «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации» (Москва, Россия), don.reinhardt@mail.ru.

Рассматривается феномен фанфика как современного литературного явления, имеющего глубокие исторические корни, на примере недавно вышедшего в свет произведения «Евгений Онегин. Версия 2.0. Эксперимент в стихах» под авторством Алины Сахненко (2014 год). Описаны основные принципы построения произведения в жанре фанфика, а также взаимосвязь между последним и литературной пародией. На примере произведения Алины Сахненко проиллюстрированы новейшие тенденции развития данного направления в российской поэзии. Проведен анализ характерных стилистических приемов, использованных автором, в частности, реминисценций на оригинальное произведение А. С. Пушкина, наряду с сопоставлением соответствующих сюжетных линий. По итогам анализа сделан вывод о том, что исследуемый фанфик, оставаясь по форме пародией, не лишенной существенных стилистических недостатков в плане ритмики и рифмовки, содержательно представляет собой ценный материал, описывающий отечественные реалии 2010-х годов. Автор статьи утверждает, что данный текст жанра «фанфик» содержит в себе культурный код целого поколения людей, рожденных и выросших в России в 1990-е годы.

Ключевые слова: фанфик; литературная пародия; А. С. Пушкин; Евгений Онегин; онегинская строфа.

1. Литературные пародии на «Евгения Онегина»: история вопроса

После выхода в свет в 1833 году первого полного издания роман «Евгений Онегин», как одно из самых значительных произведений русской

словесности [Пушкин, 1964, с. 7—178], не мог не стать предметом литературных пародий, подражаний, переделок. Анализ их многообразия — тема для обширного исследования, которое целесообразно проводить профессиональным филологам, пушкинистам. Рядовому же читателю наверняка со школьных лет знакомы «Онегины» в различных вариациях — от быто-описательных, обличающих главным образом современную их сочинителю действительность (например, советскую [Судьба ..., 2001]), до стилизаций под отдельные субкультурные коды, а также табуированную или нецензурную речь. В основной своей массе такие пародии носят фольклорный характер: по созданию они передавались в развлекательных целях из уст в уста и лишь с появлением Интернета стали записываться и массово распространяться.

Можно по-разному относиться к такому феномену: найдутся те, кто увидит в нем непозволительное глумление над классиком или, того хуже, оскорбление чувств почитателей его творчества. Другие воспримут подобные эксперименты более спокойно: препарируя оригинал, пусть зачастую грубо и бесталанно, пародист все равно отдает ему дань уважения — *плохую лошадь вор не уведет*. При этом далеко не все пародии заведомо уничижительные или низкого качества. Истории литературы известны случаи, когда они фактически становились полноценными новыми произведениями. Так, например, «Батрахомиомахия» («Брань мышей и лягушек»), написанная в качестве пародии на гомеровский эпос и, в частности, Илиаду, заложила основы бурлеска как целого художественного направления в европейской культуре [Wölke, 1978].

Аналогичные процессы разворачивались и имеют продолжение сегодня вокруг романа «Евгений Онегин». Достаточно вспомнить «Университетскую поэму» (1927), написанную одним из самых именитых переводчиков и комментаторов оригинала — Владимиром Набоковым. Не имея практически ничего общего с романом-источником в плане сюжета (помимо многочисленных реминисценций в формулировках), с точки зрения формы произведение представляет собой набор онегинских строф, построенных в обратном порядке (aa BccB DDee FgFg: здесь и ниже прописные буквы обозначают женскую рифму, строчные — мужскую) [Набоков, 2002, с. 310—336]. Собственно, к онегинской строфе после Пушкина обращались многие литераторы — как отечественные (начиная с Михаила Лермонтова), так и зарубежные (например, Викрам Сет [Seth, 1986]). В то же время универсальная применимость твердой формы стихосложения не позволяет отнести все произведения такого формата к пародиям на роман «Евгений Онегин». Случай Набокова особый:

в «Университетской поэме» показано, что пародировать можно не только содержание, но и форму.

Думается, что человек, искренне любивший Пушкина, посвятивший анализу, переводу и популяризации его творчества много лет и сил, не стал бы заниматься подобными упражнениями, если бы сомневался в их морально-этической подоплеке. Более того, допустимо предположить, что и сам Александр Сергеевич не был бы против: с первых строк (*небрежный плод моих забав...* [Пушкин, 1964, с. 7]) он побуждает читателя думать, сам сочинитель иронично, с легкостью и снисхождением относится к стихотворству вообще и к своему творению как к безделице, написанной только ради шутки. На это указывают метатекстовые вставки (*Читатель ждет уж рифмы розы // На, вот возьми ее скорей!* [Пушкин, 1964, с. 79]), а зачастую и отдельные стихи, например, «Вот перешед чрез мост Кокушкин... : На картинки к “Евгению Онегину” в “Невском Альманахе”» (1829) [Пушкин, 1964, с. 165]. Конечно, случалось, что поэт вызывал некоторых своих критиков на дуэль, но в целом, как это следует из биографии и произведений, ему было присуще прекрасное чувство юмора, включая самоиронию, что и позволяет, по нашему мнению, считать легитимными различные «производные» романа «Евгений Онегин».

2. Фанфик как литературный жанр: связь классики и современности

Одним из недавних таких сочинений стал «Евгений Онегин. Версия 2.0» Алины Сахненко, получивший определенную известность в русскоязычном сегменте сети Интернет (Рунете) [Сахненко, 2014]. Автор — молодая выпускница (на момент написания — студентка) факультета журналистики Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (МГУ). По нашему мнению, ей удалось не просто в очередной раз адаптировать роман «Евгений Онегин» к современным реалиям, но выразить — до известной степени — ценностную картину и мироощущение поколения молодых людей, *рожденн[ых] с Россией* [Сахненко, 2014 (глава 3, XVII)], то есть в начале 1990-х годов. Далее мы проведем небольшой анализ сахненского «Онегина» с тем, чтобы проиллюстрировать данный тезис.

По форме и самоопределению «Евгений Онегин. Версия 2.0» — «фанфик» [Сахненко, 2014 (глава 1, II)], то есть любительское сочинение по мотивам оригинального литературного произведения, в данном случае — романа «Евгений Онегин». Вообще сегодня понятие фанфика приложимо к любым культурным продуктам, будь то книги, кинофильмы, компьютерные игры и т. п. Рассмотрению данного явления уже посвящен

ряд работ культурологической направленности [Иванова и др., 2009; Рубинская, 2017]. Фанфик — не обязательно пародия: это может быть развитие сюжета (сиквел, приквел), заполнение хронологических пробелов, оставленных автором оригинала, причем нередко с максимальной ориентацией на стиль и дух канона. В качестве примера последнего допустимо привести замечательное произведение франкоязычной писательницы в четырех томах [Alixé], заполняющее пробел между концом и эпилогом (19 лет) седьмой книги о Гарри Поттере (последний тоже упомянут в сочинении А. Сахненко). Наконец, речь может идти о построении новых фабул в рамках имеющейся «вселенной» (сеттинга), включая альтернативное развитие событий. Здесь имеет смысл выделить так называемый шиппинг, когда фанфикрайтер выстраивает романтическую связь между героями, отсутствующую в оригинале (каноне). Систематизировать всю широту палитры деятельности фанфикрайтеров представляется затруднительным, да и, в сущности, ненужным. Основной принцип: каждый пишет, как хочет (жанр, стиль), о чем хочет (сюжет), с любой, однако, желательно очевидной и узнаваемой степенью оглядки на исходное произведение [Иванова и др., 2009].

По жанру и стилю Сахненко старается минимально дистанцироваться от последнего: *Да, написала по лекалу, // Да, сохранила имена* [Сахненко, 2014 (глава 1, XXVI)]. Она, хоть и не без усилий, выдерживает схему рифмовки онегинской строфы (AbAb CCdd EffE gg); размер сбивается уже на третьей, после чего периодически восстанавливается, затем опять сбивается. Разумеется, не соответствует роману «Евгений Онегин» и количество глав (их всего пять), и количество строф в каждой главе (несмотря на пропуски — якобы вырезано цензурой, всего их 145, включая «пропущенные»). Однако задачи, точнее, сверхзадачи достичь полного соответствия оригиналу и не ставилось. Отдельные рифмы могут вызвать лишь ухмылку, например, *Adidas — ИТАР-ТАСС* [Сахненко, 2014 (глава 1, I)], другие вообще едва ли попадают под эту категорию: *и я — родня* [Сахненко, 2014 (глава 1, II)]. Тем не менее текст не лишен интересных оборотов и речевых фигур, о которых мы скажем ниже.

Что касается второй составляющей фанфика, то, как пишет автор в цитируемой выше строфе: *... содержание роману — // Мир наш и наши времена* [Сахненко, 2014 (глава 1, XXVI)]. Действия разворачиваются в Москве и постолимпийском Сочи: *Деревня, где хандрил Евгений, // Была шедевром в стиле МОК* [Сахненко, 2014 (глава 2, I)], то есть летом 2014 года. Принципиальное расхождение с романом «Евгений Онегин»

с точки зрения взаимосвязей главных действующих лиц состоит в том, что Татьяна — сестра Ленского, а не Ольги. Лариной она тоже становится уже после замужества. Все остальные сюжетобразующие элементы, как то: бегство Онегина от света, его знакомство и дружба с Ленским, влюбленность и отвержение Татьяны, интрига с Ольгой, дуэль, замужество Татьяны и отказ уже Онегину, сохранены. Другой вопрос, что автор представляет их в предельно модернизированном, однако все-таки узнаваемом свете, что однозначно придает фанфику «Евгений Онегин. Версия 2.0» неповторимость.

3. Культурологические особенности фанфика

«Евгений Онегин. Версия 2.0» и перспективы его рецепции

Новый Евгений — студент МГИМО. Действительно, какой вуз лучше подойдет для человека с таким набором генетических и личных (соответствующих канону, но добротнo прописанных А. Сахненко) качеств. Архетипичный представитель золотой молодежи, при этом культурный, в меру образованный, да и в целом скорее хороший человек. Сравнивая сахненского Евгения с пушкинским в плане общего впечатления и поведения, некоторые, возможно, даже сделают выбор в пользу первого. Не ставим своей задачей глубокий анализ обоих образов в надежде на то, что этим смогут заняться другие исследователи. Ленский — ведущий корпоративов, мечтающий прорваться в шоу-бизнес (будь произведение написано годом-двумя позднее, он бы наверняка предстал неудачливым баттл-рэпером). Ольга — «дочь коммерсанта-эмигранта» [Сахненко, 2014 (глава 2, XIII)], прошедшая значительную часть жизни в Германии (параллель и антипод каноническому Ленскому). Татьяна — очаровательная, хоть и не выдающейся красоты («*MAXIM*», *знаток мужских страстей*, // *В ТОП-100 не дал бы строчки ей* [Сахненко, 2014 (глава 2, XVIII)]) абитуриентка филфака, впоследствии супруга пусть не генерала, но *sed alia tempora* [Пушкин, 1964, с. 102]... *e sempre bene* [Пушкин, 1964, с. 154], как бы сказал классик, — крупного инвестора Вити Ларина, армейского сослуживца поныне здравствующего отца Евгения (Онегина-старшего).

Обед не в «Talou», но в баре Аркадия Новикова, вместо застолья у Лариных — поход в клуб, вместо хрестоматийной дуэли — соревнование стритрейсеров, в ходе которого один из участников становится инвалидом. Продолжение сравнений неизбежно приведет к раскрытию сюжета. Поэтому обратимся к художественно-смысловой стороне текста.

Эпиграф (*И на бутылках кока-колы напишут наши имена* [Сахненко, 2014]), на наш взгляд, выбран не очень удачно: уж скорее стоило выбрать

на кружках стар-бакса. Зато последующие пассажи содержат обороты поистине оригинальные и отчетливо перекликающиеся с оригиналом:

Не спит Hublout вокруг запястья [Сахненко, 2014 (глава 1, XIII)], ср. *Пока недремлющий Брежет...* [Пушкин, 1964, с. 13];

Онегин, как Wi-Fi соседский, // Стал мигом лакомый объект [Сахненко, 2014 (глава 2, II)];

Меж ими всё рождало споры // И к Google-помощи влекло [Сахненко, 2014 (глава 2, VIII)].

Такой список можно продолжить, но мы предпочитаем оставить это удовольствие читателю. Онегин в поэтическом творении Сахненко — это не просто Онегин, «переведенный на цифру», но и человек, обитающий в контексте реалий санкционной и «позднепутинской» эпохи. Поколение 90-х найдет в нем отсылки к вещам и явлениям, на которых оно выросло и в окружении которых продолжает жить сейчас: от детских мультфильмов («Король Лев») до нынешних сериалов («Игра престолов»), от старых компьютерных игр («The Sims») до современных планшетных («Fruit Ninja»), не говоря уже как о забытых, так и об употребляемых до сих пор мемах, аллюзиях на литературные произведения, Интернет-ресурсах. Основная целевая аудитория — уже не те, кто придумали *Windows* и объявили *дефолт*, но поколение В в контакте, Википедии, ЕГЭ (все эти и другие феномены занятно обыгрываются в тексте), хипстеры и мажоры, сторонники действующего режима и его хулители, словом, в фанфике найдется своеобразный срез соответствующей возрастной группы. И это, безусловно, прорыв — наш (а не ранне- или позднесоветский) Онегин, Онегин поколения девяностых.

Не желая сверх меры хвалить фанфик, не лишенный, как было отмечено выше, стилистических недостатков и имеющий не так уж много собственно поэтических достоинств, считаем все-таки уместным применить к нему (пусть и с натяжкой) формулу Белинского — «энциклопедия русской жизни» 2010-х годов. Есть в нем и лирическое начало (чего стоит онлайн-переписка Евгения и Татьяны), и политические мотивы, и красочные, выразительные описания летнего Сочи, да и много остроумных пассажей, не претендующих на оригинальность там, где ее быть не может, и тем самым выигрышных.

Ставила ли Алина Сахненко перед собой такую задачу — вопрос открытый. Строго говоря, то же можно сказать и об авторе канона. Сошлемся на мнение несомненного авторитета в данном вопросе Иосифа Бродского: «Начиная стихотворение, поэт, как правило, не знает, чем оно кончится, и порой оказывается очень удивлен тем, что получилось,

ибо часто получается лучше, чем он предполагал, часто мысль его заходит дальше, чем он рассчитывал» (из Нобелевской лекции) [Бродский, 1994]. Подводя итог, считаем, что «эксперимент в стихах», как сама его определяет в заглавии автор [Сахненко, 2014], по большей части удался, и рекомендуем пародию-фанфик к прочтению ценителям русской словесности, произведений А. С. Пушкина, а также всем, кто, даже негативно оценив труд автора и критика, будет готов сделать «репост» [Сахненко, 2014 (глава 1, XXVII)] и обсудить его как явление современной художественной литературы.

Источники и принятые сокращения

1. *Бродский И. А.* Нобелевская лекция / И. А. Бродский. — В книге : Бродский И. А. Избранные стихотворения. 1957—1992 / И. А. Бродский. — Москва : Панорама, 1994. — С. 464—475.
2. *Набоков В. В.* Университетская поэма / В. В. Набоков. — В книге : Набоков В. В. Стихотворения / В. В. Набоков. — Санкт-Петербург : Академический проект, 2002. — С. 310—336.
3. *Пушкин А. С.* Евгений Онегин / А. С. Пушкин. — В книге : Пушкин А. С. Сочинения : в трех томах / А. С. Пушкин. — Москва : Художественная литература. — 1964. — Том 3. — 1964. — С. 7—178.
4. *Сахненко А.* Евгений Онегин : версия 2.0 : эксперимент в стихах [Электронный ресурс] / А. Сахненко // В контакте : социальная сеть. — 2014. — Режим доступа : https://vk.com/doc49734966_332371468?hash=73720e15008a851e02&dl=cc00c6fef6f195d285.
5. *Судьба Онегина* / составление, вступительная статья, комментарий В. и А. Невских. — Москва : Экост, 2001. — 554 с.
6. *Alixé.* Harry Potter 7 ¾ [Electronic resource] / Alixe. — Access mode : <http://hp7troisquart.free.fr/>.
7. *Seth V.* The Golden Gate / V. Seth. — New York : Random House, 1986. — 307 p.

Литература

1. *Иванова И. Н.* Фанфикшен (fan fiction) как жанр массовой литературы : стереотипы гендерного сознания «аффтатов» / И. Н. Иванова, А. С. Иванова // Культуроведы : феномен массовой литературы в современной России : сборник научных статей / И. Л. Савкина, М. А. Черняк. — Санкт-Петербург : СПбГУТД, 2009. — С. 135—137.
2. *Рубинская Е.* Фанфикшен: последняя битва автора и читателя [Электронный ресурс] / Е. Рубинская // Эстезис : журнал о литературе. — 2017. — № 2 (11). — Режим доступа : <http://aesthesis.ru/magazine/february17/fanfiction>.
3. *Wölke H.* Untersuchungen zur Batrachomyomachia / H. Wölke. — Meisenheim am Glan: Hain, 1978. — 275 S.

Fan Fiction as Phenomenon of Modern Literature: Case of “Eugene Onegin”

© Raynkhardt Roman Otmarovich (2018), orcid.org/0000-0002-0890-8844, PhD in Economy, senior lecturer, Department of Diplomacy, Moscow State Institute of International Relations of Ministry of Foreign Affairs of Russia (Moscow, Russia), don.reinhardt@mail.ru.

Fan fiction as a modern literary phenomenon with deep historical roots is considered on the example of the recently published work “Eugene Onegin. 2.0 Version. Experiment in verse” by Alina Sakhnenko (2014). The basic principles of the construction of works in the genre of fan fiction, as well as the relationship between the latter and literary parody are described. By the example of Alina Sakhnenko’s work the newest tendencies of development of this direction in the Russian poetry are illustrated. The analysis is made of characteristic stylistic techniques used by the author, in particular, reminiscences of the original work by A. S. Pushkin, along with a comparison of the relevant storylines. According to the results of the analysis, it is concluded that the studied fan fiction, remaining a parody in form, not devoid of significant stylistic shortcomings in terms of rhythm and rhyme, is a valuable material describing the domestic realities of the 2010-ies. The author of the article claims that this fan fiction text contains the cultural code of a whole generation of people born and raised in Russia in the 1990-ies.

Key words: fan fiction; literary parody; A. S. Pushkin; Eugene Onegin; Onegin stanza.

Material resources

- Alixé. *Harry Potter 7 ¾*. Available at : hp7troisquart.free.fr.
 Brodsky, I. A. 1994. Nobelevskaya lektzia. In: Brodsky, I. A. *Isbrannyye stikhotvoreniya 1957—1992*. Moskva: Panorama. (In Russ.).
 Nabokov, V. V. 2002. Universitetskaya poema. In: Nabokov, V. V. *Stikhotvoreniya*. Sankt-Peterburg: Akademicheskii proekt. (In Russ.).
 Pushkin, A. S. 1964. Evgeniy Onegin. In: Pushkin, A. S. *Sochineniya: 1—3*. Moskva: Khudozhestvennaya literatura. 1. (In Russ.).
 Sakhnenko, A. *Evgeniy Onegin. Versiya 2.0. Eksperiment v stikhakh*. Available at : https://vk.com/doc49734966_332371468?hash=73720e15008a851e02&dl=cc00c6fef6f195d285. (In Russ.).
 Seth, V. 1986. *The Golden Gate*. New York: Random House.
 Sud’ba Onegina. 2001. Moskva: Ekost. (In Russ.).

References

- Ivanova, I. N., Ivanova, A. S. 2009. Fanfikshen (fan fiction) kak zhanr massovoy literatury: stereotipy gendernogo soznaniya «afftarov». In: Savkina I. L., Chernyak M. A. (eds.). *Kulttovary: Fenomen massovoy literatury v sovremennoy Rossii*. Sankt-Peterburg: SPGUTD. (In Russ.).
 Rubinskaya, E. 2017. Fanfikshen: poslednyaya bitva avtora i chitatelya. *Estezis: zhurnal o literature*, 2 (11). Available at : <http://aesthesis.ru/magazine/february17/fanfiction>. (In Russ.).
 Wölke, H. 1978. *Untersuchungen zur Batrachomyomachia*. Meisenheim am Glan: Hain. (In Germ.).